

К следующему утру Болдуин окончательно пришел в себя.

По натуре он был парнем добродушным, просто слишком отчаянно жаждал успеха, отчего порой и терял голову. Стоило эмоциям улежаться, как его тут же накрыло чувство вины за вчерашнюю вспышку. Он даже специально поблагодарил Джеймса за то, что тот не оставил его вчера и поддержал.

Ну, если, конечно, сыпать соль на раны и подливать масла в огонь можно назвать «поддержкой и утешением»...

В таком случае у Джеймса действительно были все основания принять эту благодарность.

Однако остатки совести все же заставили его смущенно отмахнуться:

— Да ладно тебе, не за что. Я ведь ничем особо и не помог...

Болдуин выставил ладонь, призывая его замолчать — возвращаться к этой довольно жалкой теме ему явно не хотелось.

На ходу подгоняя Джеймса, чтобы тот поскорее выметался из постели, он скрылся в ванной. Оттуда донесся шум воды: Болдуин принялся приводить себя в порядок, тщательно расчесывая бороду мелким гребнем и бубня, что нельзя опаздывать — сегодня их ждет репетиция в заброшенном гараже у Тео.

Джеймс изумленно округлил глаза:

— Опаздывать? После вчерашнего... то есть мы что, сегодня все равно репетируем?

Болдуин с самым серьезным видом высунулся из-за двери и бросил с напускным хладнокровием:

— А почему нет? Нас вроде никто не распускал.

Логично. Не поспоришь.

Джеймс так и не понял, радоваться такому повороту или недоумевать, но послушно сполз с кровати и отправился чистить зубы.

За все утро он больше ни единым словом не обмолвился о вчерашнем скандале, боясь снова

задеть приятеля за живое.

Но это вовсе не значило, что в его голове царил покой.

По правде говоря, Ланс ранил не только Болдуина.

Если взглянуть со стороны, Ланс поступил вполне разумно. Когда речь заходит о собственном будущем, каждый имеет право взвесить все «за» и «против», да и толика здорового эгоизма тут не помешает.

Одно дело — понимать это умом, и совсем другое — принять сердцем.

Джеймсу, как его товарищу по группе, было чертовски паршиво. Но его обида отличалась от боли Болдуина. Это не была горечь обманутого человека, столкнувшегося с предательством и ложью. Скорее, глухая грусть от понимания: тот, кого ты искренне считал близким другом, в любой момент может просто развернуться и уйти.

Кто-то когда-то сравнил рок-группу с большим кораблем, где каждый музыкант — матрос.

Чтобы уйти в далекое плавание, нужно вместе поднять паруса, сплотиться перед лицом любого шторма и упрямо держать курс, невзирая на бури и встречные ветры. Звучит невероятно романтично.

Но жизнь — штука изменчивая. Что делать, если посреди бескрайнего океана один из вас вдруг решает сойти на берег?

Изводя себя этими тоскливыми, слишком сентиментальными мыслями, Джеймс всю дорогу молчал.

Они с Болдуином без лишних слов дошли до гаража Тео.

Но, вопреки ожиданиям, кое-кто успел прийти раньше них. Еще на подходе к воротам они уловили приглушенные звуки гитары.

Переглянувшись, они замерли.

Джеймс сделал шаг вперед и толкнул дверь. В полумраке гаража разлился утренний свет.

Ланс, который еще вчера с кулаками бросался на Болдуина, сидел на полуразвалившемся деревянном ящике. Закинув ногу на ногу и склонив голову, он увлеченно перебирал струны.

В зубах у него дымилась сигарета. Заслышав скрип двери, он даже не прервал игру, лишь лениво приподнял веки. Тонкие пальцы уверенно сжимали медиатор, скользя по грифу с невероятной легкостью. Из-под струн лавиной хлынуло безупречное, завораживающее соло. Оно лилось так же плавно и изящно, как струйка дорогого каберне из наклоненной бутылки, наполняя сырой воздух гаража терпким, почти осязаемым ароматом...

Бывают моменты, когда все понимаешь с первого взгляда. Позже Джеймсу довелось повидать немало первоклассных гитаристов — и бешеных безумцев, взрывавших сцену дикой энергетикой, и занудных технарей, выпиливавших безумные пассажи, и виртуозов-шоуменов, крутивших инструменты вокруг шеи... Но в его личном рейтинге Ланс раз и навсегда занял первое место. Навечно.

Пока звучали эти аккорды, тревога, терзавшая Джеймса все утро, таяла без следа. Пустота внутри постепенно заполнялась теплом, точно бокал, в который неспешно наливают вино.

Музыка не умеет лгать. Тот, кто не предан ей всей душой, никогда не заставит инструмент звучать так искренне.

И в эту секунду Джеймсу стало абсолютно плевать на вчерашнее. Были ли у Ланса оправдания, нет ли — он мысленно простил его.

Что до Болдуина, тот стоял рядом, не произнося ни слова. По его лицу невозможно было понять, какие мысли крутятся в его лохматой голове.

Двое замороженно слушали, третий продолжал играть, не обращая на них внимания. Это странное безмолвное противостояние затянулось бы надолго, если бы не появление Тео.

— Здорово, парни! Чего вы тут застыли как истуканы? — бесцеремонно ввалившись, громогласно поинтересовался этот прирожденный разрушитель моментов.

Ланс прижал ладонь к струнам. Оборвав мелодию, он отложил гитару, вынул изо рта сигарету и поднял на пришедших обезоруживающе невинный взгляд.

Болдуин с угрюмым видом медленно направился к нему. Какое-то время они молча смотрели друг на друга — один сверху вниз, другой снизу вверх, разыгрывая безмолвную сцену из немого кино.

Сердце Джеймса ушло в пятки. Опасаясь новой драки, он инстинктивно подался вперед, готовый в любую секунду разнимать их. Даже Тео притих и испуганно пробормотал под нос:

— Они что... вчера не накувыркались?

Но худшие опасения не оправдались. Болдуин просто протянул руку. Ланс, не колеблясь,

крепко ухватился за нее и поднялся на ноги.

Конфликт испарился, будто его и не было.

Какого черта? Это же просто бред!

Впрочем, все оказалось прозаичнее.

Чуть позже, уже во время репетиции, Ланс все-таки снизошел до объяснений. Он вкрадчиво и чертовски убедительно наговорил кучу банальностей: мол, группа для него на первом месте, распада он ни за что не допустит, музыка — его единственная страсть, а учеба в колледже нужна лишь для того, чтобы предки отвязались. (К слову, обещание он действительно сдержал, правда, ценой того, что в конце семестра с треском завалил все экзамены).

Но тогда, не требуя никаких доказательств, Болдуин поверил ему на слово. Святая простота! Он умудрился трижды извиниться за свою вчерашнюю несдержанность и клятвенно пообещал больше никогда не распускать руки. Ланс со снисходительным великодушием принял извинения. Старая дружба была полностью восстановлена за какие-то пять минут.

Если честно, Джеймс дорожил дружбой с Лансом. Но это не отменяло того факта, что в глубине души он продолжал считать его законченным эгоистом, пусть даже сам, подобно Болдуину, совершенно не умел долго злиться на этого паршивца.

Только вдуматься: всю кашу заварил Ланс, но именно обманутый Болдуин рвал и метал, мучился чувством вины, не спал всю ночь, а теперь еще и покорно просил прощения. Сам же виновник за все время не выдавил из себя ни единого «извини». Джеймсу это просто не укладывалось в голове.

Ему всегда казалось: если ты причинил кому-то боль — намеренно или случайно, неважно, — ты обязан извиниться. Но Ланс был выше этого. Он просто пришел пораньше, небрежно сбацал пару красивых аккордов, обезоруживающе улыбнулся, скормил им дежурную порцию глупых отмазок — и вуаля, инцидент исчерпан.

Раз уж сам пострадавший не имел претензий, остальным и подавно не следовало лезть не в свое дело. К счастью, атмосфера в группе разрядилась, а пережитая встряска, кажется, даже сплотила их сильнее прежнего. Нет худа без добра.

Позже Джеймс все-таки не выдержал и поинтересовался:

— Слушай, а что за штуку ты играл утром? Как она называется? Раньше никогда ее не слышал.

Губы Ланса тут же расплылись в довольной ухмылке:

— Не слышал? Еще бы.

Он попытался напустить на себя равнодушный вид, но тщеславие так и перло наружу.

— Моя вещь. Сам написал.

— Да ладно! Не гони! — Джеймс вытаращился на него в полнейшем восторге. — Seriously, твоя? Господи, Ланс, это же просто чертов шедевр! Как тебе это удалось?

Ланс самодовольно сощурился, стряхнул пепел с сигареты и лукаво протянул:

— Хочешь секрет?

— Еще бы! — Джеймс закивал, преданно уставившись на него сияющими зелеными глазами.

— Проще простого, — снизошел гитарист. — Мне достаточно посмотреть в зеркало, и музыка сама рождается в голове. Ноты так и пляшут вокруг меня, воспевая мою неземную красоту. Я же красавчик, черт побери!

«Каков же самовлюбленный придурок!»

После этого Джеймсу расхотелось разговаривать с ним напрочь.

<http://bllate.org/book/19389/1960905>